

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК)

Р.Р. Замалетдинов, Н.И. Файзуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Россия, Казань, Кремлевская 18

Загадка представляет собой один из древнейших синкретичных жанров фольклора, не только регламентировавших ключевые события в жизни человека, но и транслировавших многовековой жизненный опыт народа. Несмотря на устную форму бытования, многие загадки сохранили свои исходные структуры, а также лингвокультурологическое своеобразие, основанное на национальном архетипическом мышлении и национальных мифологемах.

Целью работы является исследование космогонических загадок русского и татарского языков, выявление специфики их образной организации. В ходе исследования устанавливаются уникальные и универсальные для каждого объекта характеристики, позволяющие верным образом декодировать информацию (цветовая, темпоральная характеристики; количество предмета, его форма; взаимоотношения с иными предметами). Особое внимание в статье уделяется вторичной номинации луны и солнца, что также обусловлено национальной спецификой. В русской загадке, согласно восточнославянской традиции, вводится зооморфный код (при помощи лексем «корова», «бык», «конь», «жеребец»), являющийся своеобразным указанием на магический характер описываемого предмета. В татарской народной загадке наблюдается ввод лексем, обозначающих родственные отношения («отец», «мать», «сестра», «брат»), что отражает национальную мифологию о создании земли и неба. В статье детально исследуется проблема ввода вторичной номинации денотата, её мифологическая обусловленность. Лингвистический материал сопровождается лингвокультурологическим комментарием, позволяющим глубже проникнуть в процесс кодировки денотата. В работе применялись метод контент-анализа, а также метод лингвистической реконструкции культуры. Результаты исследования могут быть полезны фольклористам, лингвистам, занимающимся вопросами национальных культур, их отражением в фольклорном тексте.

Ключевые слова: загадка, лингвокультурология, код, мифологема, вторичная номинация

Введение

Загадка, существуя «в горизонте интересов человека» [15, с.16], представляет собой уникальное фольклорное образование ввиду своей антропоцентрической природы, синтезировавшей многовековой жизненный опыт народа, его выразительный потенциал, а также сохранившей важность игровой деятель-

ности: «загадка как агональная, интеллектуальная часть игры, как «состояние в мудрости» более специализирована, чем игра вообще, которая зато представляет собой более фундаментальное и более широкое явление, корни которого уходят глубже» [15, с. 53].

«Состояние в мудрости» в свою очередь тесно связано с жизненным опытом народа, усвоенными им причинно-следственными связями между

наблюдаемыми явлениями, способностью проводить аналогии и замечать уникальное: «Природа загадки связана с одним из фундаментальных свойств человеческого мышления – со способностью или умением человека видеть сходство или несходство разных предметов (явлений, событий) и на этой основе понимать связи предметов, их роды и виды, различать в окружающем мире общее, частное и особенное» [11, с. 319].

Как известно, изложенное в основной части загадки описание следует рассматривать как зашифрованное обозначение искомого предмета или явления окружающей действительности, осуществлённое при помощи введения вторичной номинации известных человеку денотатов – антиденотатов, выбор которых в большинстве случаев является произвольным. Однако не следует под каждым антиденотатом понимать бесконечное множество вариантов соответствия искомого предмета и кода, так как их соотношение ограничено представлениями автора о конкретном объекте, его типичных признаках и действиях, что способствует семантическому согласованию лексем-кодов внутри текста, актуализируя тем самым лингвистические и нелингвистические факторы [2]. Положение о метафоричности текста загадки, основанной на внелингвистической предопределённости вторичной номинации, разделяется многими учёными [1], [8], [14]. Однако поиск причин и факторов, обусловивших семантическую организацию загадки, требует глубокого изучения природы жанра, синтезировавшего в себе архаическое, мифопоэтическое сознание человека, мифологическую идеологию, согласно которой все предметы окружающей человека действительности понимались как живые [9, с. 260].

Основная часть

О первобытном мифическом характере загадок свидетельствует влияние архаичных мифологем на выбор вторичной номинации денотата.

Космогонические загадки представляют собой интересный материал с точки зрения отражения национальной (в настоящей работе рассматриваются русские и татарские загадки о небе, солнце, луне, звёздах) мифологии, обусловившей выбор вторичных субстантивных номинаций.

Отличительной чертой космогонических загадок является выстраивание ценностной иерархии наблюдаемых предметов, что фиксиру-

ется не только в количественном аспекте, но и способах репрезентации денотата.

Так, довольно немногочисленными являются загадки непосредственно о небесном пространстве. В корпусе русских загадок представлено следующее описание: *Синенькая шубёнка покрыла весь мир* [13, с. 225], в котором в качестве ключевых характеристик денотата выделяются цвет (синий), размер (способна покрыть весь мир). Примечательно, что лексема *шубёнка* не коррелирует с архаичным представлением об одушевлённости всех окружающих человека предметов, а служит своеобразным средством дифференциации совокупности определённого числа субъектов, представленных лексемой *мир* (Ср.: Мир – вселенная, ... одна из земель вселенной... все люди, весь свет) [3] и всего остального пространства.

Более того, по наблюдению В.И. Даля, *шубой* могло называться тёплое одеяло [3], что позволяет провести параллель с татарской загадкой *Зәңгәр ашъяулык бөтен дөньяны каплаган (күк)* (букв. *Голубая скатерть весь мир покрыла (небо)*) [16, с. 34]. В таком случае общим для русской и татарской загадок будет представление о небе как о плоском предмете, способном «накрыть» земной шар.

В татарских загадках о небе посредством вторичной номинации актуализируется образ жернова, камня: *Ал тегермән ташы, гөл тегермән ташы, – аны белгән йөз егерме яшьле (күк йөзе)* (букв. *Расписной жернов; тому, кто его знает, сто двадцать лет (небо)*) [16, с. 34]; *Тимгел, тимгел таш, тимгел ала таш, күрмэгэнгә күркәм таш, күтәрмэгә авыр таш (күк йөзе)* (букв. *Камень в крапинку. Незнающему приятный камень, для подъёма – тяжёлый*) [16, 34]. В приведённых текстах наблюдается сочетание внешнего описания денотата и определённой характеристики человека. Так, знание о расписном жернове (*ал тегермән ташы, гөл тегермән ташы*), коррелирует с почтенным возрастом человека (*аны белгән йөз егерме яшьле*), а представление о камне сопровождается указанием на невозможность осуществить задуманное субъектом действие по отношению к предмету действительности.

Репрезентация небесного пространства как обширного плоского предмета наблюдения фиксируется в комплексных русских и татарских народных загадках (под комплексными загадками мы понимаем такой вид загадок, в которых актуализируются одновременно несколько дено-

татов, объединённых единой мифологемой или спецификой архетипического сознания). Так, в комплексных загадках, описывающих небо и звёзды, типичным является репрезентация неба как плоского, значительного по площади предмета: *Зур палас, төбендә йомры калач (күк һәм ай)* (букв. Большой палас, под ним круглый калач (небо и луна) [16, 34]; *Бөтен яланда бер тай эзе (күк һәм ай)* (букв. По всей степи один след жеребёнка (небо и луна) [16, 34]; *Ястык өстендә ярты кашык (күк һәм ай)* (букв. Над подушкой половина ложки (небо и луна) [16, 34].

Реже небо описывается как объёмный предмет, например, *бездонный океан (төпсез дәрәя): Төпсез дәрәяларда бер алтын коймә йөзә (күк һәм ай)* (букв. В бездонном океане одна золотая лодка плывёт (небо и луна) [16, 34]; *Төпсез дәрәя төбендә көмеш белзегем ята (күк һәм ай)* (букв. На дне бездонного океана лежит серебряный браслет (небо и луна) [16, 34].

В комплексных загадках о небе и звёздах увеличивается значимость небесного пространства, так как основное внимание уделяется образному описанию звёзд. В русских загадках звёзды описываются как многочисленные разъединённые части целого предмета: *Рассыпался корабль по мхам, по морям, по всем городам; не собрать этого корабля ни князьям, ни попам, ни думным дьякам, ни серебряникам (небо и звёзды)* [13, с. 231]; *Рассыпался собор на двенадцать сторон, никому не собрать, ни попам, ни дьякам, ни серебряникам, ни грамотным людям, ни нам, дуракам* [13, с. 232]. Характерным для подобного описания является имплицитное указание на множественность наблюдаемого объекта посредством того факта, что искомое действие не может быть выполнено даже лицами различных социальных классов. При описании бытовых предметов невозможность осуществления действия развивается до гротеска: *Разостлан ковёр, рассыпан горох; ни ковра не поднять, ни гороха не собрать (звёзды и небо)* [12, с. 234].

В редких случаях описание денотата базируется на описании сложного явления, не доступного для понимания: *Написана грамота по синему бархату, не прочесть этой грамотки ни попам, ни дьякам, ни умным мужикам (небо и звёзды)* [13, с. 231].

Количественный фактор является ключевым и при описании исключительно звёзд: *Что без учёту? (звёзды)* [13, с. 232]; *Чего на свете не перечесть? (звёзды)* [13, с. 232]; *Что у нас чаще леса? (звёзды)* [13, с. 232]. В качестве дополни-

тельной характеристики выступает время фиксации объекта: *Что видно только ночью? (звёзды)* [13, с. 232].

В татарских народных загадках также подчёркивается многочисленность звёзд: *Күк келәмгә төн йокламый энҗе сиптем (күк һәм йолдызлар)* (букв. Всю ночь по небесному ковру рассыпал жемчуга (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Зәңгәр палас өстенә ак чәмчекләр сибелгән (күк һәм йолдызлар)* (букв. По голубому ковру рассыпан белый узор (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Бозга бодай сибелгән (күк һәм йолдызлар)* (букв. На лёд рассыпано пшено (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Бабай җиренә борчак чәчтем (күк һәм йолдызлар)* (букв. На земле деда горох посеян (небо и звёзды) [16, с. 34]. Однако в приведённых примерах используются различные объекты действия (ковёр, лёд, земля деда), а также отсутствует указание на невозможность собрать рассыпанный предмет, что, безусловно, связано с национальной матрицей поведения. Возможно, кочевой образ жизни тюркских народов наложил отпечаток на восприятие элементов сельского хозяйства, урожая культур. Таким образом, объекты сельского хозяйства в пространстве загадки раскрывают своё «предназначение с позиции пользы или вреда для разных людей» [6, с. 18].

Иной облик приобретают загадки, в которых априорно заложено представление о небе как некотором вместилище. В таком случае вторичной номинацией для звёзд служат лексемы, обозначающие овощи: *У нас за окошком полно репы лукошко (небо и звёзды)* [13, с. 231]; *Полно корыто огурцов намыто (небо и звёзды)* [13, с. 232].

Аналогичное явление наблюдаем и в татарских загадках, однако в качестве предметов, содержащихся во вместилище, обнаруживаем *рыбу (балык), гвозди (кадаклар): Күл тулы алтын балык (күк һәм йолдызлар)* (букв. Озеро полно золотых рыбок (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Көмеш казан япканнар, җиз кадаклар какканнар (күк һәм йолдызлар)* (букв. Серебряный котёл опрокинут, медные гвозди торчат (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Атайдан калган зур коштабак, коштабак тулы җиз кадак (күк һәм йолдызлар)* (букв. От отца досталось большое блюдо, блюдо полно медных гвоздей (небо и звёзды) [16, с. 34]. Как можем заметить, в татарских загадках особое внимание уделяется колористической характеристике: *алтын балык (золотая рыба), көмеш казан (серебряный котёл)*.

Указание на многочисленность предмета в татарской загадке сопровождается стремле-

нием дотянуться до описываемого денотата, взаимодействовать с ним: *Мич тулы пәрәмәч, нишләтерсең бирмәгәч?* (күк һәм йолдызлар) (букв. Полна печь перемячей, что ты сделаешь, если тебе не дадут? (небо и звёзды) [16, с.34]; *Атамның бер туны бар, – ябынып булмый; эче тулы ак энҗе, – санап булмый* (күк һәм йолдызлар) (букв. У отца есть одна шуба – не накроешься; внутри полно жемчуга – не сосчитаешь (небо и звёзды) [16, с. 34]. Полагаем, стремление человека максимально изучить наблюдаемый объект продиктовано в первую очередь необходимостью познания окружающего мира, накопления жизненного опыта, что тесно сопрягается и с его пространственным членением. Так, в загадке *Табак тулы җиз төймә, – кулым сузып алалмыйм* (күк һәм йолдызлар) (букв. Полная чаша медных пуговиц, руку протянешь – не возьмёшь (небо и звёзды) [16, с. 34] посредством соматического кода (*кулым сузып алалмыйм/руку протянешь – не возьмёшь*) осуществляется структурирование окружающего мира: «соматический код наслаивается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека» [7, с. 7].

Иногда описание звёзд и неба может сопровождаться темпоральной характеристикой: *Бежали, бежали овечки по липовой дощечке, увидали зорю, пали в воду* (небо и звёзды) [13, с. 232]; *Без, без, без идек, без уника кыз идек, такта өстенә тезелдек, таң атканчы юк булдык* (күк һәм йолдызлар) (букв. Мы, мы, нас было двенадцать девушек, на доске выстроились в ряд, на рассвете исчезли (небо и звёзды) [16, с. 35]. Существенно отметить, что татарская загадка в данном случае тесно по сюжетной линии переплетается с поверьем о превращении девушек в звёзды [17, с. 469].

Время исчезновения денотата актуализируется и в простых загадках о звёздах: *Актыр үзе, югары, җем-җем итеп ул тора, бүген таңда килмәсәң, китәмен, дип утыра* (йолдыз) (букв. Сама белая, высоко находится, мерцает. Если на заре не придёшь, – говорит. – Уйду (звезда) [16, с. 39]; *Кич булганда күренер, таң булдымы – күмелер* (йолдыз) (букв. Ночью видно, на заре не видно (звезда) [16, с. 39]; *Бары төнлә генә нәрсәне күрәп була?* (йолдыз) (букв. Что можно увидеть только ночью? (звёзды) [16, с. 39].

Реже фиксируется временной промежуток, в течение которого наблюдается денотат: *Иртән киткән, кич килгән, хисабын алла белгән* (йолдызлар) (букв. Утром ушёл, вечером пришёл, а число

известно одному Богу (звёзды) [16, с. 39]; *Төнлә баксам – күк тулган, иртән баксам – юк булган* (йолдызлар) (букв. Ночью посмотрел – небо полное, утром посмотрел – ничего нет (звёзды) [16, с. 39].

В татарских загадках фиксируется удалённость звезд: *Алкадан алтын тама, тамчысы җиргә җитми* (йолдыз) (букв. С серёжек капает золото, а до земли не достаёт (звезда) [16, с. 39]; *И раббым, карап торам ерактан* (йолдыз) (букв. Смотрю на тебя издалека (звезда) [16, с. 39].

В комплексных загадках о небе, звёздах и луне последний денотат может выступать как одушевлённый предмет, что напрямую обусловлено его значимостью с точки зрения архетипического сознания: *Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый* (небо, звёзды, месяц) [13, с. 233], *Матушкину скатерть не собрать, батюшкина коня не поймать* (небо, звёзды, месяц) [13, с. 234].

Введение зооморфного кода обусловлено национальными мифологемами, в которых месяц может выступать активным субъектом действия. Так, для восточнославянского фольклора характерно применение лексем *бык, корова, вол, конь, жеребец* для обозначения месяца и солнца: *Белый бык под воротней глядит* (месяц) [12, с. 234]; *Сивый жеребёнок в подворотне глядит* (месяц) [12, с. 234]; *Лысый конь через прясло глядит* [12, с. 234]. Обращение к животным подобного рода объясняется индоевропейской мифологической традицией, согласно которой перечисленные животные обладали магической силой и нередко обозначали творца [10, с. 105]. Естественно, что для сознания современного человека выбор подобных наименований кажется немотивированным, что может компенсироваться введением колористических признаков: *сивый, бурый, белый*. Примечательно, что в польской загадке о солнце функционирует характеристика *слепой*: *Ślepy koń, ale wrotami patrzy. Лошадь слепая, но смотрит через ворота*, так как слепота изначально воспринималась как магический признак.

Целый ряд загадок о луне, солнце содержит образ дуба: *Стоит дуб-стародуб, на том дубе-стародубе сидит птица-веретеница; никто её не поймает: ни царь, ни царица, не красна девица* (солнце) [13, с. 226]; *На городе, на Сяне, стоит дуб с вихеями; никто его не обойдёт: ни царь, ни царица, ни красна девица* (солнце) [13, с. 226]. Бесспорно, что в основу подобных загадок положена древнейшая мифологема о Вселенском дереве, согласно которой ветви и вершина сим-

волизируют луну и солнце. Как можем заметить, данная мифологема может претерпевать многочисленные трансформации в коде загадки, однако неприкосновенной остаётся сама изначальная идея о Вселенском дереве.

Для татарских народных загадок также характерно наличие комплексных описаний, где часто в качестве вторичной номинации используются термины родства: *Апасы энесенэ кунакка бара, энесе апасыннан кача (кояш һәм ай)* (букв. *Сестра к брату в гости идёт, а он от неё прячется (солнце и луна)* [16, с. 38]; *Бер атасы, бер анасы, ничә йөз мең баласы (кояш, ай, йолдызлар)* (букв. *Один отец, одна мать, а сколько сотен детей (солнце, месяц, звёзды)* [16, с. 38]. Мы связываем актуализацию терминов родства с мифологией татарского народа, согласно которой луна и солнце воспринимаются как муж и жена [4], а также с национальным культом семьи [5].

В целом ряде загадок в качестве вторичной номинации используется образ камня: *Өй түбәсендә вак таш, алар янында бер зур баш (ай һәм йолдызлар)* (букв. *На кровле дома мелкий камень, возле них одна большая голова (луна и звёзды)* [16, с. 39]; *Кирәгәсез күк тирмәнең төнлегендә ике ак таш, киезендә мең-мең вак таш (күк, кояш, ай, йолдызлар)* (букв. *Стоит юрта без каркаса, в ней два белых камня, в войлоке – тысячи мелких камней (небо, солнце, месяц, звёзды)* [16, с. 35]. Многократное обращение к образу камня при описании небесных светил вновь подчёркивает стремление выстроить параллель между осязаемым земным пространством и недоступным небесным пространством, систематизировать знание о них, вычленив первостепенные и второстепенные объекты.

Отличительной особенностью татарских загадок космологической тематики является пропуск вторичной номинации денотата в связи с описанием его характерных признаков: *Нәрсә карый күзлексез? Нәрсә ашый авызсыз? (кояш, тегермән)* (букв. *Что смотрит без очков? Что кушает без рта? (солнце, мельница)* [16, с. 38];

Нәрсә төнне яктырта? Нәрсә яңа – яндырмый? (кояш һәм ай) (букв. *Что ночь освещает? Что светит, но не горит?* [16, с. 38]. Пропуск антиденотата позволяет подчеркнуть всю нелогичность, парадоксальность описываемого [18], тем самым максимальным образом приближая создаваемый текст к эталонному варианту загадки: «народная загадка – это традиционное словесное выражение, содержащее один или более описательный элемент, пара которых может находиться в оппозиции: референт элементов должен быть разгадан» [19, с. 113].

Заключение

Таким образом, сопоставление русских и татарских космогонических загадок позволило обнаружить ряд национальных особенностей построения фольклорного жанра. В поле зрения загадки входят небо, а также ряд небесных светил: звёзды, луна, солнце. Каждый из названных объектов имеет как универсальные, так и уникальные особенности его воспроизведения в тексте загадки. Так, универсальным для загадок о небе является введение вторичной номинации, которая в национальном сознании будет коррелировать с характеристиками «большой в размерах», «вместилище», «большой по площади»; для загадок о звёздах характерным будет указание на их бесчисленное количество, удалённость от земли, время их фиксации на небосклоне. Загадки о луне и солнце отличаются большим разнообразием типичных признаков, что обусловлено национальными мифологемами, в рамках которых луна и солнце играют важные роли. Так, для русской загадки уникальным является введение зооморфного кода при вторичной номинации денотата. Для татарской народной загадки значимой является систематизация окружающего пространства посредством введения соматического кода, не только указывающего на удалённость предмета, но и подчёркивающего важность взаимодействия с объектом.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора// Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С.147-173.
2. Волоцкая З.М. Некоторые замечания о классификации славянских загадок (на материале болгарских и польских)// Советское славяноведение, 1982. № 1. С. 80-90.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т.Т.4. М.: Русский язык, 1980. 683 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=15824> (Дата доступа: 05.01.2019)
4. Закирова И.Г. Космогонические мифы и легенды татарского народа// Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 249–255.
5. Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань: Магариф, 2009. 351 с.

6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М: Гнозис, 2013. 320 с.
7. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) //Язык. Сознание. Коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.
8. Левин Ю.И. Семантическая структура загадки// Паремииологический сборник М.: 1978. С.283–315.
9. Лосев А.Ф. О пропозициональных функциях древнейших лексических структур// Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. 480 с.
10. Маковский В.В. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Т.1.1996. 416 с.
11. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции о филологии истории религий. М.: Изд-во ГРАНД, 1998. 352 с.
12. Рыбникова М.А. Загадки. Москва-Ленинград: Academia, 1932. 479с.
13. Садовников Д.Н. Загадки русского народа. М.: изд-во МГУ, 1959. 335 с.
14. Сендерович С.Я. Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
15. Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой// Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 10–118.
16. Мэхмутов Х.Ш. Татар халык табышмаклар. Казань, Казан. кн. изд-во, 1977. 272 с.
17. Исәнбәт Н. Татар халык табышмаклары. Казан: Татар.кит.нәшр.1970. 568 б.
18. Chernova S.V., Ferguson A.D. Russian absurd texts// Филологические науки в МГИМО. 2018. № 13. С. 121–126.
19. Georges R. A., Dundes A. Toward a Structural Definition of the Riddle // The Journal of American Folklore. 1963. Vol. 76, No 300. P. 111–118.

Сведения об авторах:

Замалетдинов Радиф Рифкатович – доктор филологических наук, профессор. Казанский федеральный университет. E-mail: director.ifmk@gmail.com.

Файзуллина Найля Ивановна – кандидат филологических наук, доцент. Казанский федеральный университет. E-mail: nelya7@mail.ru.

THE COSMOGONIC RIDDLES IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND TATAR FOLK RIDDLES)

R.R. Zamaletdinov, N.I. Faizullina

Kazan (Volga region) Federal University,
420008, Russia, Kazan, Kremlin 18

Abstract: *Riddle is one of the oldest syncretic genres of folklore, which both regulated the key events in human life and translated the centuries-old life experience of the people. Despite the oral form of existence, many riddles have retained their original structure, as well as linguistic and cultural identity based on national archetypal thinking and national mythologies. The aim of the work is to study the cosmogonic riddles of the Russian and Tatar languages, to identify the specifics of their imaginative organization. The study establishes unique and universal characteristics for each object, allowing one to decode the information of color, temporal characteristics, and number of the object, its form and relationship with other objects. Particular attention is paid to the secondary nomination of the moon and the sun, having national specifics. In the Russian riddle, according to East Slavic tradition, the zoomorphic code (with lexemes “a cow”, “a bull”, “a horse”, “a stallion”) was widespread because it was indicative of the magic character of the described subject. In the Tatar national riddle there is an input of the lexemes designating the related relations (the father, mother, the sister, the brother) that in its turn reflects national mythology about the earth and the sky creation. In this article the authors examine the problem of the input of the secondary nomination of the denotation and its mythological causality. Linguistic material is accompanied by a linguistic and cultural commentary, which allows a deeper insight into the process of denotation coding. The method of content analysis and the method of linguistic reconstruction of culture were used in the work. The results of the research can be useful for folklorists, linguists dealing with the issues of national cultures, their reflection in the folklore text.*

Key Words: *mystery, cultural linguistics, code, myth, secondary nomination*

References

1. Arutiunova N.D. Iazykovaia metafora [The language metaphor] // Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. M.: Nauka [Science], 1979. pp.147-173.
2. Volotskaia Z.M. Nekotorye zamechaniia o klassifikatsii slavianskikh zagadok (na materiale bolgarskikh i pol'skikh) [Some notes on the classification of Slavic riddles (on the material of Bulgarian and Polish)] // Sovetskoe slavianovedenie [Soviet Slavic studies], 1982. № 1. pp. 80-90.
3. Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]: v 4-h t.T.4. M.: Russky iazyk [Russian Language], 1980. 683 p. Available at: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=15824> (accessed 05 January 2019).
4. Zakirova I.G. Kosmogonicheskie mify i legendy tatarskogo naroda [cosmogonic myths and legends of the Tatar people]// Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of Chuvash University]. 2010. № 4. pp. 249-255.
5. Zamaletdinov R.R. Teoreticheskie i prikladnye aspekty tatarskoi lingvokul'turologii [Theoretical and applied aspects of Tatar cultural linguistics]. Kazan': Magarif, 2009. 351 p.
6. Karasik V.I. Iazykovaia matritsa kul'tury [Language matrix of culture]. M: Gnozis, 2013. 320 p.
7. Krasnyh V.V. Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) [Codes and standards of the culture (the invitation to the conversation)] //Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia. [Language. Consciousness. Communication]. M.: MAKS Press, 2001. Vol. 19. pp. 5-19.
8. Levin YU.I. Semanticheskaia struktura zagadki [Semantic structure of the puzzle] // Paremiologicheskyy sbornik [paremiological collection]. M.: 1978.pp.283-315.
9. Losev A.F. O propozitsional'nykh funktsiyakh drevneishikh leksicheskikh struktur [About propositional functions of the most ancient lexical structures] // Znak. Simvol. Mif. [Sign.Symbol. Myth]. M.: Izd-vo MGU, 1982. 480 p.
10. Makovskiy V.V. Sravnitel'ny slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropeskikh iazykakh [Comparative dictionary of mythological symbolics in Indo-European languages]. Iss.1.1996. 416 p.
11. Mechkovskaia N.B. Iazyk i religii. Lektsii o filologii i istorii religii [Language and religion. Lectures on the Philology and the history of religion]. M.: Izd-vo GRAND, 1998. 352 p.
12. Rybnikova M.A. Zagadki [Riddles]. Moskva-Leningrad: Academia, 1932. 479s
13. Sadovnikov D.N. Zagadki russkogo naroda [Russian Folk Riddles]. M.: izd-vo MGU, 1959. 335 s.
14. Senderovich S.YA. Morfologiya zagadki [Riddle Morfology]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury [Language of Slavic cultures], 2008. 208 p.
15. Toporov V.N. Iz nabliudeniya nad zagadkoi [From observations on the riddle] // Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Zagadka kak tekst [Researches in the field of Baltic-Slavic spiritual culture. Riddle as a text]. M.: Indrik, 1994. pp. 10-118.
16. Məhmütov H.Sh. Tatar halyk ıǵaty: tabyshmaklar [Tatar folklore: Riddles]. Kazan', Kazan. kn. izd-vo, 1977. -272 s.
17. İsənbət N. Tatar halyk tabyshmaklary [Tatar folk riddles]. Kazan: Tatar.kit.nəshr.1970. 568 b.
18. Chernova S.V., Ferguson A.D. Russian absurd texts// Filologicheskie nauki v MGIMO [Philology at MGIMO journal]. 2018. № 13. pp. 121-126.
19. Georges R. A., Dundes A. Toward a Structural Definition of the Riddle // The Journal of American Folklore. 1963. Vol. 76, No 300. P. 111—118.

About the authors:

Zamaletdinov Radif Rifkatovich – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University.
E-mail: director.ifmk@gmail.com.

Faizullina Nailya Ivanovna – Ph.D. in Philosophy, Kazan Federal University. E-mail: nelya7@mail.ru.

* * *